

Проходимец — эпизод 5 из 6

Любил говорить этот веселый пройдоха! Мы давно уже вышли из села, прошли мимо многих хуторов, и уже снова пред нами стояла деревня, вся утопавшая в оранжевой листве осени. Промтов болтал — веселый, как чиж, а я слушал и думал о новом для меня виде паразита, разъедающего мужицкое призрачное благосостояние...

— Послушайте-ка! — вдруг вспомнил я одно обстоятельство. — Мы встретились с вами при таких условиях, которые заставляют меня сильно усомниться в силе вашей бумажки... это как объяснить?

— Э! — усмехнулся Промтов. — Очень просто: я уже проходил по сим местам, а — не всегда, знаете, удобно напоминать о себе...

Его откровенность нравилась мне. Я внимательно вслушивался в развязную болтовню моего спутника, пытаюсь определить, таков ли он, каким себя рисует?

— Вот пред нами деревня, — желаете, я покажу вам действие моей бумажки? — предложил Промтов.

Я отказался от этого опыта, предложив ему лучше рассказать мне, за что именно его наградили бумажкой?..

— Ну, это, знаете ли, длинная история! — махнул он рукой. — Но я расскажу — когда-нибудь. А пока что — давайте отдохнем и закусим. Пищевой снаряд у нас есть в достаточном количестве, значит, идти в деревню и беспокоить ближнего нам пока не требуется.

Отойдя в сторону от дороги, мы уселись на землю и стали есть. Потом, разленившись под теплыми лучами солнца и дуновением мягкого ветра степи, улеглись и заснули... А когда проснулись, солнце, багровое и большое, уже было на горизонте, и на степь ложились тени южного вечера.

— Ну, вот видите, — объявил Промтов, — судьбе угодно, чтоб мы заночевали в этой деревушке...

— Пойдемте, пока еще светло, — предложил я.

— Не бойтесь! Сегодня ночуем под кровом...

Он был прав: в первой же хате, куда мы толкнулись с просьбой о ночлеге, нас гостеприимно пригласили войти.

Хозяин хаты, крупный и добродушный «чоловік», только что приехал с поля, его «жінка» готовила «вечеряти». Четверо чумазных ребятишек, сбившись в кучу в углу хаты, смотрели оттуда любопытными и робкими глазами.

Дородная «жінка» быстро и молча металась из хаты в сени и обратно, внося хлеб, кавуны, молоко. Хозяин сидел против нас на лавке и сосредоточенно тер себе поясницу, кидая на нас вопрошающие взгляды.

Вскоре с его стороны последовал обычный вопрос:

— Где ж вы идете?

— Ходим, добрый человек, от моря до моря, до Киева города!.. — бойко отвечал Промтов словами старой колыбельной песни.

— Чего ж там, у Києви? — подумав, спросил человек.

— А — святые мощи?

Хозяин посмотрел на Промтова и молча сплюнул. Потом, после паузы, спросил:

— А видкиля идете?

— Я — из Петербурга, он — из Москвы, — отвечал Промтов.

— От що? — поднял брови хохол. — А що этот Петербург? Кажуть люди, шо він на морі построен... и що его заливає...

Дверь отворилась, и явилось двое хохлов...

— А мы до тебе, Михайло! — объявил один из них.

— Що ж вы до мене?

— Та воно — таке діло... Що се за люди?

— Ось цей? — спросил хозяин, кивая на нас головой.

— Эге ж!

Хозяин помолчал, подумав и покрутив головой, объявил:

— Хиба ж я знаю?

— Мабудь, вы странники? — спросили у нас.

— Эге! — ответил Промтов.

Воцарилось молчание. Три хохла рассматривали нас упорно, подозрительно, любопытно... Наконец все уселись за стол и начали с треском уничтожать кроваво-красные кавуны...

— Мабудь, который из вас есть письменный? — обратился к Промтову один из хохлов.

— Оба, — кратко ответил Промтов.

— Так не знаете ли вы, часом, шо треба делать чоловіку, як з него хребет ноет и зудит до того, что ночью спати не можно?

— Знаем! — объявил Промтов.

— А що?

Промтов долго жевал хлеб, потом вытирал руки о свои лохмотья, потом задумчиво смотрел в потолок и, наконец, решительно и даже сурово заговорил:

Нарвать крапивы и велеть бабе на ночь тою крапивою растереть хребет, а потом смазать его конопляным маслом с солью...

— Что ж с того буде?— осведомился хохол.

— А — ничего не будет, — пожал плечами Промтов.

— Ничого?

— Как есть ничего!

— А поможет воно?

— Поможет...

— Спытаю... Спасибо вам...

— На здоровьечко!— пожелал Промтов совершенно серьезно. Долгое молчание, хруст кавунов, шепот детей...

— А слушайте вы, — заговорил хозяин хаты, — як того... воно не звистно вам... мабудь, краем вуха зловили вы в Петербурги або в Москви... насчет Сибири... можно переселяться чи не можно? Бо земскій, — бреше він чи справды, — бачил, шо зовсім не можно?

— Не можно! — рубит Промтов.

